

НАУЧНАЯ ИСТИНА И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Тарасов Николай Николаевич

Профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0001-6620-8937, e-mail: tarasov@usla.ru

Статья посвящена вопросам соотношения классической концепции истины и ценностных оснований юридического исследования. Рассматриваются ограничения классической концепции истины и значение ценностных структур общества в юридических исследованиях.

Ключевые слова: истина, наука, методология, ценности, идеологизация, юриспруденция, исследование, право

Для цитирования: Тарасов Н. Н. Научная истина и ценностные основания юридического исследования // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 5. С. 5–9. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_5_5.

SCIENTIFIC TRUTH AND VALUE BASES OF LEGAL RESEARCH

Tarasov Nikolay

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), doctor of legal science, ORCID: 0000-0001-6620-8937, e-mail: tarasov@usla.ru

The article is devoted to the correlation of the classical concept of truth and the value bases of legal research. The limitations of the classical concept of truth and the importance of value structures of society in legal studies are considered.

Key words: truth, science, methodology, values, ideologization, jurisprudence, research, law

*For citation: Tarasov N. (2022) Scientific truth and value bases of legal research. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 5–9, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_5_5.*

Сегодня уже очевидно, что глобальные сдвиги современной цивилизации системны, а значит, влияют на все сферы сознания и деятельности, в том числе науку. Одним из факторов такого влияния становится активная идеологизация социальных ценностей как непосредственного основания реализуемых политик и разрабатываемых стратегий¹. Для юридической науки данная ситуация может рассматриваться как вполне понятная, с одной стороны, в силу представлений о постнеклассической научной рациональности², а с другой – в связи с проблематизацией применимости классической концепции истины в социогуманитаристике³. Однако в исследовательских практиках юристов отношение к научной истине сохраняется именно в ее классическом понимании, согласно которому содержание научного знания «объектив-

¹ Отношение к данному факту с позиций теории права см.: Тарасов Н. Н. О праве в современном обществе (размышления по поводу) // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 39–46.

² Подробнее о типах научной рациональности см.: Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники: учеб. пособие. М.: Фирма «Гардарика», 1996. С. 291 и след.; Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. С. 37 и след.

³ Коршунов А. М., Мантанов В. В. Диалектика социального познания. М.: Политиздат, 1988. С. 61.

но определяется существованием реального, независимого от сознания человека внешнего мира»¹.

В методологическом плане ограничения классической концепции истины связаны с тем, что научное исследование теоретично по своей природе, предмет науки сложно организован и включает единицы научного знания: понятия, гипотезы, проблемы и т. д., «единицей оперирования» является не суждение или высказывание, а факт, гипотеза, теория и т. д. Разумеется, можно сказать, что научные факты фиксируются в форме суждений, однако классическое истинностное отношение при этом не избегает проблематизации. Это было показано, в частности, Э. М. Чудиновым, обосновавшим формулировку П. Стросона: «Факты есть то, что утверждения (когда они истинны) утверждают. Они не являются тем, о чем утверждения говорят»². Такое понимание строится на приоритете научной концептуализации и определенной «второстепенности» дескриптивного плана суждения. Представить же, например, теорию как систему только истинностных суждений просто невозможно хотя бы потому, что, включая гипотезы, предположения, полагания и допущения, любая теория будет совокупностью как истинных, так и ложных суждений³. Кроме того, теория неизбежно включает в себя выводы и умозаключения, произведенные в рамках ее предметности по формальным правилам и не всегда относящиеся к конкретным явлениям действительности. Содержание таких выводов и умозаключений – это вопрос философской картины мира, категориального строя и исследовательской парадигмы. В юриспруденции значительное число теоретических положений представляют собой фиктивные операционные модели, предназначенные не столько для отображения права, сколько для его познания. К таковым можно отнести уже упоминавшийся механизм правового регулирования, состав правонарушения, состав правоотношения и т. п.

С точки зрения референтного отношения классической концепции фиктивные операционные модели отличаются тем, что не имеют соответствующего конкретного объекта и, строго говоря, не являются собственно научными моделями, поскольку особенность последних состоит именно в том, что они могут замещать объект в исследовательских процессах. Операционные же модели относятся к интеллигибельным объектам, представляют собой идеальные конструктивные образования, концептуализирующие процесс познания юридической действительности.

Например, невозможно указать в реальности на объект, соответствующий составу правонарушения. Неслучайно в правоведении идут оживленные дискуссии именно по поводу правомерности включения в состав правонарушения тех или иных элементов. Основанием данных дискуссий, на наш взгляд, является попытка отнести к составу правонарушения не фиктивно – идеально, а объектно. Анализируя различные точки зрения на этот счет, А. Ф. Черданцев справедливо замечает, что состав правонарушения следует трактовать «как определенный идеальный объект, созданный силой абстракции, как мысленную модель, а не реальное явление и не понятие, отражающее это явление»⁴. Здесь важно подчеркнуть именно конструктивную природу таких моделей, в силу чего они уже не могут рассматриваться в рамках отношения отображения. Конструкция, на наш взгляд, соотносится с действительностью более сложно, чем модель. Так, конструкция может задавать объектно не существу-

¹ Черданцев А. Ф. Теория государства и права: учеб. М.: Юрайт, 1999. С. 27.

² Чудинов Э. М. Природа научной истины М.: Политиздат, 1977. С. 18.

³ С точки зрения К. Поппера, любая теория, строго говоря, может быть одновременно оценена и как истинная, и как ложная. «О теории, подобной теории Кеплера, которая описывает траектории планет с замечательной точностью, можно сказать, что она содержит значительную долю истинной информации, несмотря на то, что это – ложная теория, так как на самом деле имеют место отклонения от кеплеровских эллиптических орбит. Точно так же и теория Ньютона (хотя мы вправе считать ее ложной) содержит, по нашим нынешним представлениям, чрезвычайно много истинной информации – значительно больше, чем теория Кеплера. Поэтому теория Ньютона представляет собой лучшее приближение, чем теория Кеплера, – она ближе к истине. Однако все это еще не делает ее истинной. Теория может быть ближе к истине, чем другая теория, и все же быть ложной» (Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. М.: Междунар. фонд «Культ. Инициатива» – Soros foundation: Открытое о-во «Феникс», 1992. С. 451).

⁴ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 141.

ящую организацию элементов и путем идеализирующих допущений создавать объекты интеллигибельного типа, существующие только в рамках соответствующего научного предмета. Другими словами, если рассматривать состав правонарушения как модель, то модель, по сути, сконструированную в предмете юриспруденции и в этом смысле являющуюся именно фиктивно – операционной, а не отображающей реальный объект. Отсюда можно заключить, что и понятие истинности в референтном плане к подобным моделям неприменимо.

Существенную сложность для классической истинностной оценки теоретических конструкций в юриспруденции представляет проблема влияния ценностно-целевых структур общества. Более того, оправданно говорить об особой роли «ценностного» аспекта познания права, показывающего, что в юридической науке мы имеем дело с истинностью, научной объективностью, которую невозможно ограничить однозначным соответствием знания действительности. Значение ценностных установок и идеалов общества сегодня отмечается и для естественных наук (как социокультурный контекст), и особенно для социального познания¹. Однако для юриспруденции, рассматривающей право как социальный регулятор, осознание собственной ценностно-смысловой природы и ее воздействия на характер правового знания приобретает особое значение².

Изменение ценностных систем общества принципиально влияет на смену парадигм любой социальной науки. Для юриспруденции это обстоятельство усиливается спецификой ее объекта. Дело в том, что господствующие в конкретном обществе ценности не просто влияют на самоопределение юриста в рамках исследовательской позиции, но и напрямую выражаются в действующем позитивном праве. В этом смысле для юриста ценности выступают не только как общепризнанные «предпочтения», но и как предельные нормативные основания регулирования общественных отношений. Зафиксированные как юридические декларации и правовые принципы данного общества, социальные ценности способны выступать основанием конкретных юридических решений и поддерживаться всей системой юридических средств государственного принуждения. Таким образом, можно считать, что отношение к правовым ценностям как фундаментальным критериям правовых оценок призвано обеспечивать воспроизводство позитивного права во всей его культурной полноте.

Значимость общесоциальных (общечеловеческих) ценностей для юридической науки отмечает А. Ф. Черданцев. «Эти ценности, – пишет он, – находят выражение прежде всего в принципах организации и деятельности государственного аппарата, принципах права, в формировании которых значительная роль принадлежит науке. Имеются в виду прежде всего такие ценности, как демократия, справедливость, общественный порядок, права и свободы личности и т. п.»³. Уместно и его замечание, касающееся неизбежной идеологизации правоведения: «Коль скоро государство и право в своем функционировании ориентированы идеологически на определенную систему ценностей и принципов, то мимо этого не может пройти и юридическая наука, и прежде всего теория государства и права. Она поэтому неизбежно склоняется на сторону той или иной идеологии, что дает основание приписывать этой науке идеологическую функцию»⁴. Вот только утверждение о наличии у юридической науки идеологической функции несколько смущает, поскольку ведет к признанию идеологических оснований познания⁵.

¹ Коршунов А. М., Мантанов В. В. Указ. соч. С. 84 и след.

² Подчеркивая ценностно-смысловую природу любого социального знания, А. М. Коршунов и В. В. Мантанов пишут: «Смысл, если иметь в виду его социальную характеристику, предстает как духовная направленность бытия человека, как реализация высших культурно-исторических ценностей» (Коршунов А. М., Мантанов В. В. Указ. соч. С. 93).

³ Черданцев А. Ф. Теория государства и права. С. 25.

⁴ Там же. На идеологизированность общей теории права обращает внимание и С. С. Алексеев. «Можно, пожалуй, без преувеличения констатировать, – пишет он, – что правоведение в его общетеоретических подразделениях – общей теории права, социологии, логике права, а также в философских разработках – оказалось одной из наиболее идеологизированных областей знания» (Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 402).

⁵ Иногда данный аспект проблемы трактуется как идеологическое влияние философии права, рассматриваемой в качестве этического феномена. См.: Siegenthaler P. A. Eine Grundlegung zur Rechtsphilosophie: Die philosophische Wahrheit, der Weg zum freiheitlichen Staat. Bern: Verlag Stämpfli & Cie, 1982. S. 40 и след.

Представляется, что для понимания значения ценностных аспектов правопознания точнее считать, что теория государства и права находится в рамках системы ценностей общества не столько в плане официальной идеологии, сколько в смысле социокультурного контекста познания государства и права. Разумеется, в любом обществе имеют место те или иные ценностные доминанты, обусловленные его культурой, особенностями исторического развития. В этом смысле можно сказать, что юриспруденция в силу даже предметной связи с государством и правом неизбежно идеологизирована. Однако это вряд ли позволяет наделять юридическую науку идеологической функцией. Разумеется, те или иные положения юриспруденции, особенно теории государства и права, могут идеологизироваться политическими элитами, иными социальными группами, но это не значит, что юридическая наука идеологична по своей природе. В принципе идеологизировать можно положения любой теории, как это было с теорией происхождения видов Дарвина, экономической теорией Маркса, моделью солнечной системы Птолемея и постулатами Аристотеля. Вопрос в том, что понимать под идеологизацией. Если воспринимать ее как влияние на науку партийных (в смысле Гегеля) идеологий, то мы сразу вступаем в противоречие с базовыми принципами научного познания. Если же идеологизируется опора на правовую традицию и ценностные структуры общества, то просто возникают дополнительные исследовательские планы, позволяющие углублять понимание современных контекстов права и правового регулирования.

С этой точки зрения ценностный план юриспруденции, в том числе в рамках идеологии, не может быть исключен из оценки тех или иных теоретических юридических положений, что заставляет корректировать классические представления о соответствии теоретической конструкции и юридической реальности. «Вне определенного идеологического подхода, – пишет С. С. Алексеев, – мировоззренческие взгляды не могут получить достаточного общественного признания и, тем более, должной практической реализации. Так что в практической жизни наука и идеология тесно переплетены, взаимопроникают. Это и объясняет то обстоятельство, что философия, иные отрасли знаний в определенных своих сторонах и проявлениях выступают также и в качестве идеологии (и это требует, чтобы в любой науке достаточно точно и строго те или иные положения выделялись и оценивались в качестве „идеологических“»)». В современных условиях оправданность такого подхода особенно очевидна. Проблема только в том, что идеологизированные ценности нередко выступают в качестве оснований обозначения предмета юридического исследования². Например, демократия, права человека, справедливость, рассматриваемые в сегодняшней отечественной теории государства и права как предметы научного исследования, являются, по сути, идеологизируемыми ценностями, работа с которыми по нормам науки, в рамках референтного идеала истины практически невозможна. Неслучайно концепции прав человека, правового государства актуализированы отечественной наукой только в силу смены ценностных идеологических ориентаций общества и государственной политики.

Таким образом, «идеологическая нейтральность» юридических теорий оправдана, строго говоря, только при выходе исследований за рамки актуального правового содержания, т. е. в области логики и методологии юриспруденции. Что же касается содержательных разработок, то ценностно-целевые структуры общества должны с необходимостью включаться в предметный план как практической, так и теоретической юриспруденции.

Список литературы

Автономова Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М.: Наука, 1977. 272 с.

Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 709 с.

¹ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 401–402.

² По словам Н. С. Автономовой, применительно к социальным наукам «сами предпосылки превращения того или иного явления в объект научного исследования включены в этот объект, выступая одновременно и как объект, и как предпосылки познания, и как его условия...» (Автономова Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М.: Наука, 1977. С. 234).

Коршунов А. М., Мантанов В. В. Дialeктика социального познания. М.: Политиздат, 1988. 382 с.

Поппер К. Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. М.: Междунар. фонд «Культ. Инициатива» – Soros foundation: Открытое о-во «Феникс», 1992. 525 с.

Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники: учеб. пособие. М.: Фирма «Гардарика», 1996. 399 с.

Тарасов Н. Н. О праве в современном обществе (размышления по поводу) // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 39–46.

Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург: Наука, 1993. 189 с.

Черданцев А. Ф. Теория государства и права: учеб. М.: Юрайт, 1999. 429 с.

Чудинов Э. М. Природа научной истины. М.: Политиздат, 1977. 312 с.

Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 444 с.

Siegenthaler P. A. Eine Grundlegung zur Rechtsphilosophie: Die philosophische Wahrheit, der Weg zum freiheitlichen Staat. Bern: Verlag Stämpfli & Cie, 1982. 87 s.

References

Alekseev S. S. (1999) *Pravo. Azbuka. Teoriya. Filosofiya: opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law. ABC. Theory. Philosophy: the experience of complex research]. Moscow, Statut, 709 p.

Avtonomova N. S. (1977) *Filosofskie problemy strukturnogo analiza v gumanitarnykh naukakh* [Philosophical problems of structural analysis in the humanities]. Moscow, Nauka, 272 p.

Cherdantsev A. F. (1993) *Logiko-yazykovye fenomeny v prave, yuridicheskoi nauke i praktike* [Logical-linguistic phenomena in law, legal science and practice]. Yekaterinburg, Nauka, 189 p.

Cherdantsev A. F. (1999) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, Yurait, 429 p.

Chudinov E. M. (1977) *Priroda nauchnoi istiny* [The nature of scientific truth]. Moscow, Politizdat, 312 p.

Korshunov A. M., Mantanov V. V. (1988) *Dialektika sotsial'nogo poznaniya* [Dialectics of social cognition]. Moscow, Politizdat, 382 p.

Popper K. R. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi: in 2 vols. Vol. 2: Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly* [Open society and its enemies: in 2 vols. 2: The time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles], transl. from Eng., ed. by V. N. Sadovskii. Moscow, Mezhdunarodnyi fond «Kul'turnaya Initsiativa» – Soros foundation: Otkrytoe obshchestvo «Feniks», 525 p.

Siegenthaler P. A. (1982) *Eine Grundlegung zur Rechtsphilosophie: Die philosophische Wahrheit, der Weg zum freiheitlichen Staat*. Bern, Verlag Stämpfli & Cie, 87 s.

Stepin V. S., Gorokhov V. G., Rozov M. A. (1996) *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of science and technology]. Moscow, Firma «Gardarika», 399 p.

Tarasov N. N. (2018) O prave v sovremennom obshchestve (razmyshleniya po povodu) [On a law in the contemporary society (some thoughts about)]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 6, pp. 39–46.

Yudin E. G. (1997) *Metodologiya nauki. Sistemnost'. Deyatel'nost'* [Methodology of science. Consistency. Activity]. Moscow, Editorial URSS, 444 p.